

С.Л. РУБИНШТЕЙН ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА

И.Н. СЕМЕНОВ

Семенов Игорь Никитович — профессор факультета психологии ГУ ВШЭ, доктор психологических наук.

Является автором свыше 300 научных трудов (свыше 30 из них на иностранных языках), в том числе 11 монографий и 17 учебных пособий по философии и методологии науки, истории и теории психологии, акмеологии, эргономике и педагогике. Член редколлегии журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики».

И.Н. Семенов награжден медалью им. маршала Покрышкина и Премией Президента РФ в области образования.

Контакты: i_samenov@mail.ru

Резюме

В статье исследуется жизненный путь С.Л. Рубинштейна, проводится сравнительный историко-научный анализ перипетий его творческого пути с рядом современников (Г. Когеном, Б.Л. Пастернаком, М.М. Рубинштейном, Л.С. Выготским др.). В связи с этим рефлексировается взаимодействие и дискуссии школы С.Л. Рубинштейна со школами А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова и трудами отечественных философов (Э.В. Ильенков) и психологов (Я.А. Пономарев, В.Д. Шадриков, Е.Б. Старовойтенко, М.Г. Ярошевский и др.), а также характеризуется развитие Рубинштейновской концепции его учениками и последователями (К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинским и др.). В статье эксплицируются неокантианские и марксистские корни Рубинштейновской методологии, предлагается целостная периодизация жизнедеятельности С.Л. Рубинштейна, выделяются и характеризуются различные уровни его научно-исследовательской деятельности в сфере философии и психологии, а также дифференцируются основные направления развития его научной школы и показано значение для современной психологической науки.

Ключевые слова: история психологии, методология, марксизм, неокантианство, человек, мир, бытие, сознание, рефлексия, самодеятельность, деятельность, субъект, личность, индивидуальность, научно-профессиональная деятельность, уровни, структура, жизнедеятельность, периодизация, этапы, творчество

На историческом горизонте российской и мировой психологической науки личность Сергея Леонидовича Рубинштейна (1889–1960) занимает выдающееся положение теоретика гуманистики и организатора науки. Философ, психолог, педагог и деятель культуры, он, как никто другой, синтезировал достижения психологической мысли первой половины XX в. в энциклопедически фундаментальном труде «Основы общей психологии» (1940, 1946) и заложил в книгах «Бытие и сознание» (1957) и «Человек и мир» (1973) философски-методологические принципы развития отечественного человекознания, в том числе философии и психологии. Его капитальные труды постоянно переиздаются в России и за рубежом (в Германии свыше 10 раз!), выпускаются многочисленные работы с анализом и реинтерпретацией его научного наследия, которое плодотворно развивается несколькими поколениями основанной им научной школы (Л.И. Анцыферова, Е.А. Будилова, Е.В. Шорохова, М.Г. Ярошевский, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, Д.Б. Богоявленская, А.М. Матюшкин, В.Н. Пушкин и др.). Не удивительно, что С.Л. Рубинштейн — один из наиболее известных авторов среди российских психологов. Однако приходится с сожалением констатировать, что до сих пор не только не изданы многие ранние и поздние работы С.Л. Рубинштейна (см.: «Научный архив...»), но и не исследованы некоторые важные аспекты его жизнетворчества, а также не схематизированы его этапы и концепции, а ведь, согласно положению И. Канта, наи-

более значимы именно схематизмы научного мышления. В связи с этим целесообразно обратиться к неизвестному Рубинштейну на фоне, казалось бы, хрестоматийно хорошо нам известного (см: Концепции..., 1989; Сергей Леонидович Рубинштейн..., 1989 и др.).

Рубинштейнов в психологии, оказывается, было двое...

Известность пришла к С.Л. Рубинштейну сравнительно поздно — в середине 1930-х годов на пятом десятке его жизни — после публикации стратегической статьи «Проблемы психологии в трудах К. Маркса» (1934) и капитального учебника «Основы психологии» (1935). Так, в фундаментальном труде ученицы С.Л. Рубинштейна Е.А. Будиловой (Будилова, 1972) при характеристике развития философской проблематики советской психологии в первый ее период 1917–1931 гг. о нем не говорится ни слова, а его труды начинают упоминаться и анализироваться лишь применительно ко второму и последующим периодам. А вот до этого предвоенного времени всем гуманитариям был известен другой Рубинштейн — Моисей Матвеевич (1878–1953), за которого некоторое время и принимали С.Л. Рубинштейна, естественно, по неведению некоторые педагоги, педологи и даже психологи. Поводом для этого курьеза послужили не только тождественность фамилий, но и некоторое сходство их творческих биографий. Оба до Первой мировой войны учились и имели опыт преподавания в университетах Германии (в том числе в Марбургском), только М.М. Рубинштейн был

там в 1905–1908 гг. и уехал оттуда примерно в то время, когда туда прибыл С.Л. Рубинштейн, учившийся там с 1909 по 1913 гг. Интересно отметить, что в своих письмах сверстник С.Л. Рубинштейна молодой философ, еще только начинавший тогда писать стихи и также учившийся в Марбурге, Б.Л. Пастернак сообщал, что он там «встречался с Рубинштейном из Одессы». Тем самым, встречаясь с философом-поэтом Б.Л. Пастернаком, С.Л. Рубинштейн приобщился к ценностям Серебряного века русской культуры (см.: Семенов, 2003), что называется, из самых первых рук. Недаром ученики С.Л. Рубинштейна подчеркивают его «ренессансный энциклопедизм» (Абульханова, 1989).

Более того, оба Рубинштейна учились у одних и тех же выдающихся философов-неокантианцев (Г. Когена и М. Наторпа) в Марбурге и оба были воодушевлены проблемами построения новой методологии гуманитаристики, причем такой же строгой, как и естествознание, но, разумеется, отличной от него и весьма специфической области научного знания. Вернувшись в Россию в канун войны и революции, оба окунулись в духовную атмосферу Серебряного века русской культуры. Это оказало определенное аксиологическое влияние как на их познавательный интерес к проблеме человека и его творчества, так и на формирование принципиальных подходов к ее теоретическому анализу на основе интеграции достижений не только гуманитарных, но и естественных наук, причем в контексте педагогической практики воспитания личности. Поскольку же М.М. был на

поколение (на 11 лет) старше С.Л., то первый приобрел признание своими фундаментальными трудами по философии, психологии и педагогике уже в середине 1920-х годов, а второй стал приобретать известность лишь с середины следующего периода 1930-х годов, хотя уже в 1922 г. в Одессе им публикуется программная статья о творческой самодеятельности человека, которая, впрочем, почти не была замечена в столицах.

Примечательно, что младший на 7 лет Л.С. Выготский (ставший известным уже на рубеже 1920–1930-х гг.) почти не ссылается в своих работах на более старшего и лично знакомого ему С.Л. Рубинштейна (который любезно пригласил Л.С. в ЛГПИ им. Герцена читать лекции), хотя цитирует труды хорошо всем гуманитариям известного до и после революции философа жизни и педагогического психолога М.М. Рубинштейна (см.: Выготский, 1991, с. 163, 247, 248, 250, 456; Выготский, 1984, с. 43, 44, 122, 134, 404, 407). Однако научная известность весьма переменчива: до и после Отечественной войны с середины 1940-х годов С.Л. Рубинштейн становится крупнейшим советским психологом не только по статусу (лауреат Сталинской премии, директор Института психологии, член-корр. АН СССР, академик АПН РСФСР, зав. кафедрой психологии МГУ, зав. сектором философских проблем психологии Института философии АН СССР), но и по вкладу в психологическую науку — в то время, как фундаментальные труды М.М. Рубинштейна по философии и психологии смысла жизни в тоталитарной стране стали не актуальны и подлежали забвению.

Так, в доскональном обзоре директора Психологического института АПН СССР А.А. Смирнова «Развитие и современное состояние психологической науки в СССР» нет ни слова о разработанной М.М. Рубинштейном оригинальной философско-психологической концепции развития и воспитания личности, хотя в списке литературы и приводится (Смирнов, 1975, с. 339) его поздняя, но малопоказательная (в плане его психологической теории 1920-х годов) книга «Воспитание читательских интересов у школьников» (М., 1950). А вот философы не забывают М.М. Рубинштейна: в эпоху «перестройки» фрагмент его статьи «Основная задача философии» (1923) опубликован под редакционным, но примечательным названием «Жизнепонимание — центральная задача философии» в знаменательной антологии философских дискуссий 1920-х гг. (На переломе, 1990, с. 63–72) наряду с психологами Г.Г. Шпетом, И.И. Лапшиным, Г.И. Челпановым и др. (но какого-либо текста одессита С.Л. Рубинштейна среди статей этих столичных светил пока нет). Так что, хотя ученых с этой фамилией было двое, но в дальнейшей истории психологии, начиная с 1930-х становится известен (при несправедливом забвении М.М.) лишь один — Сергей Леонидович Рубинштейн.

Неокантианские и марксистские корни философии и психологии С.Л. Рубинштейна

Почти во всех биографиях С.Л. Рубинштейна справедливо — но всегда вскользь — отмечается, что он учился философии в основанной Г. Когеном

Марбургской школе неокантианства, где в 1914 г. защитил магистерскую диссертацию. Вернувшись в Одессу, он преподавал в гимназии философию, логику и психологию, а в Новороссийском университете также курсы математики и теоретической физики. Из-за разногласий с преподавателями в трактовке прогрессивной теории относительности А. Эйнштейна С.Л. Рубинштейн сменил педагогическую деятельность философа и психолога на научно-организационную работу в университетской библиотеке, директором которой он был в 1924–1929 гг. Там С.Л. Рубинштейн (вплоть до переезда в Ленинград в 1930 г.) анализировал и систематизировал достижения мировой психологической мысли, обобщение которых уже в ЛГПИ с марксистских позиций (см. его знаменитую статью 1934г.) им было представлено в 1935 г. в «Основах психологии», переработанных в 1940 г. и дополненных в 1946 г. в «Основы общей психологии» 2-го издания (о развитии в них концепции С.Л. Рубинштейна см.: Абульханова, Брушлинский, 1989; Славская, 2006). Именно за этот фундаментальный труд ему в 1942 г. была присуждена высшая научная награда СССР того времени — государственная Сталинская премия.

Причем, с каждым новым изданием «Основ» углублялась деятельность трактовка психических процессов (особенно посредством конкретизации принципа единства сознания и деятельности) и усиливалось диалектико-материалистическое обоснование детерминации психики через проработку ее рефлекторных механизмов или, как было принято

говорить в сталинское время, ее высшей нервной деятельности (что онтологически абсурдно — ибо согласно К. Марксу деятельность всегда социальна как по своему социально-экономическому происхождению, так и по своему общественному функционированию). Но как истый психолог С.Л. Рубинштейн завершал в этих трудах свою концепцию, правда, все с тех же деятельностных позиций главами о жизненном пути личности и о ее самосознании (что затем составило содержание его посмертно изданного в 1973 г. труда «Человек и мир»). В истории отечественной психологии многократно и справедливо (т. е. обоснованно фактами дискуссий 1930–1950-х годов) подчеркивалось методологическое значение принципа единства сознания и деятельности для формирования теоретических основ советской психологической науки. Именно благодаря фундаментальным трудам С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1934, 1935), советская психология ассимилировала марксову социально-философскую категорию труда и трансформировала ее в собственно психологическое понятие предметной деятельности (оригинально развитое затем А.Н. Леонтьевым, отталкивавшимся не только от марксизма, но и от французской социологической школы и культурно-исторической теории Л.С. Выготского), ставшее центральной системообразующей категорией для советского периода психологии.

Однако вряд ли такой образованный ученый и глубокий философ, каким был С.Л. Рубинштейн, мог забыть или проигнорировать в своих исследованиях те методологические штудии, которые формировали его

как мыслителя в Марбургской школе неокантианства под непосредственным руководством ее создателя и лидера Г. Когена — одного из крупнейших философов начала XX в. В связи с этим возникает важная историко-научная проблема: каковы неокантианские (а не только марксистские) корни философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна? Ведь существеннейшая для психологии проблема бытия и сознания — одна из важнейших и для неокантианства проблем. И, ставя ее в конце 1930-х гг. (т. е. в разгар сталинского террора) и решая ее в середине 1950-х годов (т. е. в период «оттепели»), С.Л. Рубинштейн не только далеко вышел за рамки сталинского «псевдомарксизма» (торжествовавшего в психологии вплоть до известного совещания по философским вопросам естествознания 1962 г.), но и шагнул в трудах «Бытие и сознание» (1957) и «Человек и мир» (1973) далеко вперед навстречу советскому «неомарксизму» 1960–1970-х годов (А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, Г.С. Батищев, Ю.А. Левада, В.А. Лекторский, М.К. Мамардашвили, И.Т. Фролов, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин и др.). Этот очищенный от сталинизма и рационально относящийся к ленинизму «неомарксизм» не только исходил из раннего учения К. Маркса (см. его: «Экономико-философские рукописи», 1956), но и строился с учетом достижений мировой философской мысли (в том числе неокантианства Г. Когена, М. Наторпа, Э. Кассирера, В. Виндельбанда, В. Дильтея, Г. Риккерта и др.) и отечественной науки (В.Ф. Асмус, М.М. Бахтин, В.И. Вернадский, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, Л.Н. Гумилев, А.Н. Леонтьев,

А.Ф. Лосев, И.П. Павлов, С.Л. Рубинштейн, Г.Г. Шпет и др.), новой философской онтологии и методологии как мыслительной, так и социальной деятельности (Н.Г. Алексеев, В.С. Швырев, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин), детерминированной не только орудиями труда (М.Б. Туровский), но и идеально-понятийными средствами (Э.В. Ильенков). В этом контексте становления «понятийно-деятельностного неомарксизма» (А.С. Арсеньев, В.С. Библер, Б.М. Кедров, В.А. Лекторский, Ф.Т. Михайлов, А.П. Огурцов, В.С. Степин, Б.Г. Юдин и др.) становится понятным, почему Э.В. Ильенков в своей эпохально-фундаментальной статье «Идеальное» (Ильенков, 1968, с. 219–227) в списке источников указывает труды лишь двух российских мыслителей — теоретика марксизма Г.В. Плеханова «От идеализма к материализму» и... «Бытие и сознание» (1957) современного (Э.В. Ильенкову) философствующего психолога С.Л. Рубинштейна, который начал формироваться как методолог еще до мировой войны у Г. Когена в его Марбургской школе неокантианства.

**Юбилей Г. Когена,
драма Б.Л. Пастернака и
миротворчество С.Л. Рубинштейна**

Летом 1912 г. в провинциальном германском Марбурге — этой университетской цитадели философии неокантианства — произошли эпохальные для русской культуры XX в. события: умудренный гений немецкой методологии (Г. Коген) формировал интеллектуальный потенциал юных гениев русской поэзии (Б.Л. Пастернака) и российской пси-

хологии (С.Л. Рубинштейна). Гордиев узел их драматично-творческих взаимоотношений разрубил мятувшийся в духовно-чувственных муках Б.Л. Пастернак, который из-за неудачной любви изменил (как прежде в детстве живописи и в отрочестве музыке) в юности философии, променяв ее на... поэзию.

О тех переживаниях поэта свидетельствует знаменитое стихотворение «Марбург». Вот фрагменты этой экзистенциально-поэтической рефлексии Б.Л. Пастернака (1916) в позднейшей его редакции 1928 года (См.: Пастернак, 1992, т. 1):

*Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас предложение, —
Но поздно, я сдрейфил, и вот мне — отказ.
Как жаль ее слёз! Я святого блаженной.*

*В тот день всю тебя от гребёнок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.*

*Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен
Вторично родившимся. Каждая малость
Жила и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значеньи своем поды-
малась. (...)*

*Когда я упал перед тобой, охватив
Туман этот, лед этот, эту поверхность
(Как ты хороша!) — этот вихрь духоты...
О чём ты? Опомнись! Пропало...
Отвергнут.*

Г. Коген и С.Л. Рубинштейн оказались невольными соучастниками этого творческого перерождения философа в поэта — наряду с оказавшейся проездом недалеко от Марбурга (в Берлине) возлюбленной

Б.Л. Пастернака: неудачное объяснение с И. Высоцкой вырвало его из орбиты рационального познания и ввергло в стихию поэзии. Но отрефлексировать эту драму жизнетворчества или — говоря будущими словами С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1922) — «творческую самодеятельность» Б.Л. Пастернака и понять роль в ней неокантианцев (профессора Г. Когена и магистранта С.Л. Рубинштейна) можно лишь взглянув на это издали...

Как известно, отец С.Л. Рубинштейна — крупный одесский адвокат широких социальных взглядов — был лично знаком с крупнейшим и образованнейшим теоретиком российского марксизма Г.В. Плехановым. Вероятно, отсюда свободомыслие юного 16-летнего С.Л. Рубинштейна в период первой русской революции 1905–1907 гг. и даже его личное участие в некоторых мероприятиях социал-демократического толка. Однако революция пошла на спад, а пытливого и смышленому молодому человеку требовалось получить первоклассное образование — почему же не за границей (вдали от юношеских увлечений марксизмом)? Средства отца это позволяли, более того, матушка навещала сына в Марбург, где он учился (кстати говоря, с таким же юным Б.Л. Пастернаком) философии и готовился (как и Б.Л. Пастернак) защитить диссертацию под руководством известных философов-методологов Г. Когена и М.Наторпа.

Из письма от 04.07. 1912 г. к отцу — Л.О. Пастернаку, академику живописи, знакомому с самим Л.Н. Толстым — будущего поэта (а тогда — пока еще подающего надежды юного

философа) Б.Л. Пастернака выясняется: «...одесский Рубинштейн, любимейший из учеников Когена сейчас, который часто бывает у последнего и прямо близок с ним» (Пастернак, 1990, с. 54). — Не ревнует, но все же тоскливо сетует Б.Л. Пастернак (в письме отцу от 09.07.1912 г.) на все еще существующую дистанцию между собой и великим Г. Когеном, а это не способствует успешности философских штудий: «Мне не суждено насладиться тем его уходом (т. е. заботой. — И.С.), который узнали, между прочим Гавронский и Рубинштейн, но я не жалею об этом... я все-таки знаю еще нападения лиризма и творческих несуразностей. Коген был для меня живым увлечением. В полуторагодовой работе изменился мой характер. Я все-таки пожертвовал кое-чем. Теперь я ЖИВО вознагражден... Он сказал, что хотел бы меня очень видеть у себя» (Пастернак, 1990, с. 60). Из этого письма видно, что С.Л. Рубинштейны (мать и сын) общаются с Б.Л. Пастернаком в переломный период его жизнетворчества, что вряд ли ускользнуло от пронизательного будущего психолога, а ныне — в 1912 г. — философа-неокантианца С.Л. Рубинштейна.

Здесь важно понять и отрефлексировать драму творческой индивидуальности юного Б.Л. Пастернака, вызвавшую по его словам «нападения лиризма и творческих несуразностей» и разрешившуюся не столько профессиональной смертью несостоявшегося философа (его будущая поэзия порой явно философична — без этого был бы невозможен перевод ни Шекспира, ни Гете), сколько рождением поэтического гения русской поэзии первой половины XX в.

Переживая первоначальное невнимание Г. Когена к своим философским штудиям и ревниво относясь к успеху у него С.Л. Рубинштейна, Б.Л. Пастернак все же именно в его семье находит моральную поддержку, о чем пишет отцу в письме от 04.07.1912: «Меня принимал не только Рубинштейн у себя, но и m-me Рубинштейн (его мать) в духе одесских аристократов... она часто бывая у Когенов и втянувшись в свойственное всем здесь обаяние старика (Когена. — *И.С.*)... извиняла его полную неспособностью хотя бы вообразить себе такое бескорыстное желание со стороны художника... Коген узнал от Рубинштейнов — передавали они — о твоём значении в России» (Пастернак, 1992, с. 54). Дело в том, что напряженность в отношениях Б.Л. Пастернака с Г.Когеном обострилась из-за досадного казуса. В связи с приближавшимся летом 1912 г. 70-летним юбилеем Г. Когена его ученики решили подарить ему его портрет (сделанный на заказ, который, разумеется, должен быть оплачен). В этой предъюбилейной ситуации Б.Л. Пастернак (как сын крупного художника), естественно, стал предлагать, чтобы его отец сделал портрет с натуры. Это предложение было воспринято семьей Г. Когена как стремление Б.Л. Пастернака навязать ей некие расходы, ибо в Германии (как и во всем цивилизованном мире) полагалось оплачивать труд художника. Б.Л. Пастернак же, предлагая портретирование его отцом Л.О. Пастернаком — именно как крупным художником-академиком — выдающегося философа Г. Когена, имел в виду, что портрет будет ему подарен, естественно, без всякой оп-

латы, как это бескорыстно водится на Руси.

В связи с этим тяжело переживавшимся юным Б.Л.Пастернаком недоразумением он делится с отцом в письме от 18.06.1912 г. своими переживаниями: «Дорогой Папа! Меня попросил к себе тот г-н Рубинштейн,... — это теперь более, кажется любимый Когеном ученик, чем даже Гайворонский. Когда я пришел к нему, выяснилось, что и его мать — г-жа Рубинштейн — желала меня видеть по поводу твоего намерения сделать с Когена набросок. Мой визит у Когена оказался несчастным недоразумением... Он, как теперь рассказывает Рубинштейн, был уязвлен и шокирован этим навязываемым ему заказом... Рубинштейн оправдывает резкость этого старца тем, что в Германии не могут себе представить такого художественного предложения без корыстного умысла. Теперь Коген узнал через них, что ты — знаменитость... и затем, что всего важнее, они устранили недоразумение» (Пастернак, 1992, с. 45). Но далее опять Б.Л. Пастернак не может удержаться от ревнивых чувств, эмоционально восклицая, казалось бы, в защиту отца и статуса свободного художника (а может быть, и поэта — кто знает?): «... с какой стати... художник должен... также, как m-me Рубинштейн, дарить ему (Когену. — *И.С.*) свое восхищение, или ее сын — свои философские успехи (которые способствуют его же собственному блеску) или Митя Гайворонский — счастье близкой связи и возможность приват-доцентуры — как все они...» (Пастернак, 1992, с. 46). Справедливости ради, следует заметить, что к концу своего трехмесячного обучения у

Г. Когена летом 1912 г. Б.Л. Пастернак — так же как и С.Л. Рубинштейн — получает от патриарха неокантианства лестное предложение о философской приват-доцентуре в германских университетах, причем несмотря на Российское подданство и еврейскую национальность обоих. Нам же важно здесь подчеркнуть не только несомненные и блестящие философские успехи юного С.Л. Рубинштейна, но и миротворческую роль его и матушки в устранении недоразумения в отношениях Б.Л. Пастернака с Г. Когеном в качестве его любимого ученика.

Разумеется, что неокантианская философско-методологическая выучка сказала на интеллектуальном развитии как будущего психолога С.Л. Рубинштейна, так и будущего поэта Б.Л. Пастернака. Так, друг последнего литературный переводчик и критик Н. Вильмонт в своих воспоминаниях о Б.Л. Пастернаке приводит его неоднократные ссылки на Г. Когена при обсуждении друзьями различных культурно-исторических и литературно-эстетических проблем в 1920-е годы. То поэт говорит об: «иллюзии гегельянства, над которой смеялся Коген» (Вильмонт, 1989, с. 88); то он гордо отвечает на вопрос советского вождя Л.Д. Троцкого «Скажите, а вы правда, как мне говорили, идеалист? — Да, я учился на философском отделении Московского университета (в т.ч. у психолога Г.И. Челпанова. — *И.С.*), а потом... у Когена в Марбурге» (там же, с. 94); то дружески дискутируя с крупным российским философом профессором МГУ В.Ф. Асмусом, опять характеризует учение Г. Когена в своей «Охранной грамоте» (Пастер-

нак, 1992, т. 4); то неоднократно вспоминает его в своей обширной эпистолярной (там же, т. 5).

Более того, Н. Вильмонт как-то обсуждая с Б.Л. Пастернаком его «Охранную грамоту», заметил, что в ее главке, посвященной Марбургу, «не достает... его разговора с философом Эрнестом Кассирером после юбилея Германа Когена, так как Борис Леонидович в нем затронул вопрос о “модальности” понятий, о их “принципиальной нетождественности”... в связи с их “включаемостью” в различные сферы научного и общекультурного сознания... к примеру, понятие времени как “четвертого измерения” отнюдь не исключает иных “модальных” его значений рядом с тем, которое оно обрело в теории Эйнштейна, — скажем, в сфере истории, в качестве “регулирующего” понятия об историческом процессе”... по его (Б.Л. Пастернака. — *И.С.*) разумению, подойти к проблеме, поставленной главою “Марбургской школы”, — проблеме “единства человека”, тем самым и самого понятия Человек, возможно только под углом... герменевтики... КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ИСТОРИИ ЯЗЫКОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ, опирающейся на анализ “модальности” понятий, отложившихся на протяжении веков в языковом обиходе всего культурного человечества — в его прошлом, настоящим и чаемом будущем... — Голубчик! Так вы же напали на философскую золотую жилу — воскликнул Кассирер. — Беритесь безотлагательно за ее ... разработку!» (Вильмонт, 1989, с. 148) На это Б.Л. Пастернак ответил Н. Вильмону: «Подождите, Коля! Во-первых, этот марбургский

разговор навряд ли напечатают в литературном журнале. И, во-вторых, это многих оттолкнет своей сугубой философичностью от моей “Охранной грамоты”... Да у меня и было об этом... И черновик, вернее, отвергнутый беловик, сохранился» (там же, с. 149).

Все это не только характеризует глубину философской прозорливости молодого гениального писателя, но и показывает духовную атмосферу философских поисков Марбургской школы и ее учеников, а главное — свидетельствует о том, насколько глубоко было аксиологическое и методологическое влияние разрабатывавшейся в ней проблематики человекознания даже на покинувшего стезю профессиональной философии поэта Б.Л. Пастернака, не говоря уже об оставшемся в ее лоне будущем психологе С.Л. Рубинштейне, который также, несомненно, не раз обращался в своих последующих размышлениях к мысленному диалогу с неокантианцами Г. Когеном, М. Наторпом, Э. Кассирером и с одноклассниками по Марбургу. Заметим, что все эти параллели между житнетворчеством поэта и ученого можно продолжить: оба по образованию философы, у обоих несколько раз менялся род занятий: у Б.Л. Пастернака это были живопись, музыка, философия, поэзия, проза, а у С.Л. Рубинштейна — методология, естествознание, педагогика, библиография, психология, философия; оба прожили семь десятков лет и творили в одну и ту же захватывающую и драматичную эпоху; оба третируются ею и стали изгоями в своей стране; оба поплатились за это здоровьем, но мужественно выстояли и,

несмотря на это, произведения обоих составили эпоху в культурном наследии и получили всемирное признание, оба были патриотами, не оставшимися в эмиграции, а трудившимися не покладая рук на Родине и перенесшими вместе с ней все невзгоды и победы. Экзистенциальных причин тому много: это и семья, и характер, и талант, и воля, и целеустремленность, и трудолюбие, но также разностороннее образование и культура.

Полученные в школе неокантианства историко-философская культура и логико-методологический опыт стали существенным профессиональным преимуществом С.Л. Рубинштейна при разработке им в уже советской России сначала проблем «творческой самостоятельности» (1922) в контексте педагогики и психологии, а затем сознания и деятельности субъекта жизненного пути в контексте общей психологии человека (1934, 1935, 1940, 1946) и философии бытия личности и индивидуальности в мире (1957, 1973). Наиболее драматично развивалось изучение С.Л. Рубинштейном деятельностной проблематики, теоретическая постановка и дискуссионный (со школой А.Н.Леонтьева) поиск научного решения которой имели принципиальное значение для развития отечественной психологии советского периода.

Перипетии психологической теории деятельности

В связи с отмеченным выше досадным и незаслуженным по сути, забвением М.М. Рубинштейна (более известного философствующего психолога в свое время, чем начинающий

тогда ученый С.Л. Рубинштейн) интересно критическое отношение к трудам А.А. Смирнова по истории психологии, в особенности советской — ее лидера в 1970-х годах, основателя и декана факультета психологии МГУ, лауреата Ленинской премии СССР А.Н. Леонтьева (о его значении и моих встречах с ним см.: Семенов, 2006). Так, в 1978 г. на последнем заседании возглавлявшейся А.Н. Леонтьевым кафедры общей психологии МГУ он заметил: «Товарищи, произошла история, история развития науки. И ее излагают как угодно — вкусовщина идет на полный ход, а не история психологии. Под вкусовщиной я понимаю необходимость реализовать какую-то философскую позицию автора. Я тут прочитал кое-какие “Истории”. Вот у меня даже лежит первое издание “Истории психологии” М.Г. Ярошевского. Я уж не говорю про издание под редакцией А.А. Смирнова. Там правды очень много, но много там и неправды» (Леонтьев, 2006, с. 381). По-видимому, здесь А.Н. Леонтьев имеет в виду изданный труд учеников С.Л. Рубинштейна М.Г. Ярошевского и Л.И. Анцыферовой (Ярошевский, Анцыферова, 1974), который вышел под редакцией А.А. Смирнова, а не цитированную нами выше его книгу по истории советской психологии (Смирнов, 1975).

Не исключено, что скепсис А.Н. Леонтьева был вызван, в частности, тем, что книга по истории зарубежной психологии, изданная в 1974 г. под редакцией А.А. Смирнова завершается указанием Л.И. Анцыферовой на труд голландского психолога Т.П. Пейна «С.Л. Рубинштейн и философские основы психо-

логии» (1968), где: «выделяются и анализируются основные методологические положения советской психологии: принципы детерминизма, взаимообусловленности сознания и деятельности, историзма, принцип развития, единства теории и практики» (Ярошевский, Анцыферова, 1974, с. 293). Критическая реакция А.Н. Леонтьева в связи с этим становится понятной, если учесть многолетнюю дискуссию по проблемам деятельности между его школой и школой С.Л. Рубинштейна. Хотя тут же рядом (причем, выше на этом же развороте страницы) Л.И. Анцыферова передает (там же, с. 292) квалификацию А.Н. Леонтьевым (Леонтьев, 1965, с. 596) важной роли кризисов в развитии психики ребенка, но это — все-таки частное положение по сравнению с «основными методологическими положениями советской психологии», и в особенности с ее фундаментальным принципом «взаимообусловленности сознания и деятельности».

Скепсис А.Н. Леонтьева по отношению к М.Г. Ярошевскому здесь был не по адресу. Ибо в первом издании его «Истории психологии» (Ярошевский, 1966) последняя глава «Развитие советской психологии» принадлежала перу А.В. Петровского (Ярошевский, 1966, с. 521–550) и была проиллюстрирована портретами И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова и... Д.Н. Узнадзе с характеристикой их вклада в психологическую науку. Всем бросается в глаза, что в этом ряду основоположников отечественной психологии явно не хватает портретов как тех ученых, которые обеспечили транс-

ляцию ее дореволюционных достижений (Г.И. Челпанов, П.П. Блонский, К.Н. Корнилов) в советскую науку, так и, разумеется, ее корифеев — А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, П.Я. Гальперина, Б.Г. Ананьева.

А вот в фундаментальном труде по истории советской науки профессор Массачусетского технологического института США Лорен Р. Грэхем не только специальные очерки посвящает (наряду с Л.С. Выготским, А.Р. Лурией, А.К. Анохиным) А.Н. Леонтьеву (Грэхем, 1991, с. 212–215) и С.Л. Рубинштейну (там же, с. 180–188), но и подчеркивает роль обоих в разработке проблемы деятельности (там же, с. 184, с. 213). Анализируя книгу Л.Р. Грэхема, директор Института философии АН СССР В.С. Степин подчеркивает: «Заслуживают внимания те разделы, в которых рассказано об исследованиях выдающихся советских психологов Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, физиолога П.К. Анохина...» Заметим, что в «Заключительных замечаниях» к своей книге Л.Р. Грэхем еще раз подытоживает: «Среди положений советских ученых, которые были признаны ценными в свое время или признаются ценными в настоящий момент и в отношении которых диалектический материализм сыграл определенную роль, можно указать следующие: точка зрения Л.С. Выготского по поводу мышления и языка; теория социальной психологии А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьева; концепции С.Л. Рубинштейна о восприятии и сознании; пересмотр и расширение П.К. Анохиным павловской психологии» (там же, с. 422).

С Л.Р. Грэхемом солидаризируется и М.Г. Ярошевский, когда в своей «Психологии в XX столетии» специально анализируя (Ярошевский, 1974, с. 361–363) концепцию С.Л. Рубинштейна, подчеркивает: «Существенный вклад в теоретический анализ проблемы сознания внес С.Л. Рубинштейн» (там же, с. 361); «Идея предметности сознания становится центральной в работах С.Л. Рубинштейна... Принцип единства сознания и деятельности, как и идея предметности образа (в самом широком смысле слова), сыграл важную роль в становлении философских основ советской психологии. Все это обусловило крупные достижения советских исследователей в различных областях психологии» (там же, с. 363).

Важно отметить, что в ряде зарубежных трудов по истории и теории психологии также подчеркивается вклад С.Л. Рубинштейна в разработку как философско-методологических проблем (Рауне, 1968) психологии сознания, деятельности, субъекта, личности и ее индивидуальности, так и в изучение психических процессов, в особенности мышления (Matthaus, 1988a, 1988b). Однако, как говорилось выше, этот вклад С.Л. Рубинштейна трактуется в отечественной психологической науке до сих пор неоднозначно.

Вклад С.Л. Рубинштейна в психологию в зеркале дискуссий и модернизаций

В контексте дискуссии о вкладе обоих корифеев советской психологии в разработку психологической теории деятельности (хотя имеются и ее философско-методологические

концепции: Н.Г. Алексеева, Г.С. Батищева, В.С. Швырева, Г.П. Щедровицкого, Э.Г. Юдина и др.) примечательны полные горечи слова К.А. Абульхановой и А.В. Брушлинского из их программного «Послеловия» к третьему изданию «Основ общей психологии»: «Первопроходческая роль С.Л. Рубинштейна в систематической и глубокой разработке (начиная с 1922 г.) деятельностного принципа в психологической науке должна быть специально подчеркнута, поскольку на протяжении последних 20–25 лет его вклад в психологию или умаляется, или замалчивается; даже в энциклопедических справочниках об этом не говорится ни слова (См. БСЭ. 3-е изд., М. 1975. Т. 22; *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983)» (Рубинштейн, 1989, т. 2, с. 269).

Все же без ссылок на С.Л. Рубинштейна не обходится множество фундаментальных исследований деятельности (Алексеев и др., 1991; Давыдов, 1996; Деркач, 1998; Зинченко, 1976; Пономарев, 1983; Шадриков, 1982 и др.). Однако, действительно, в последнее время в нашей стране нередко выходят книги по психологии деятельности (см., например: Никифоров и др., 1991) и даже по истории психологии (см.: Степанов, 2001), где не находится места ни для упоминания С.Л. Рубинштейна как одного из крупнейших психологов, ни для оценки его фундаментального вклада в изучение деятельности. Впрочем, в «Советском энциклопедическом словаре» (1979) в кратких статьях — как про А.Н. Леонтьева (с. 711), так и про С.Л. Рубинштейна (с. 1156) — также ни слова не говорится об их вкладе в психологию деятельности,

хотя относительно обоих отмечается значимость их трудов для психологической теории. В связи с этим заметим, что А.Н. Леонтьев как лидер советской психологии на рубеже 1960–1970-х гг. был главным консультантом 3-го издания БСЭ по психологии и педагогике. Так, например, когда написанная по заказу редактора БСЭ по философии, психологии и педагогике Э.Г. Юдина моя статья о Л.С. Выготском победила в конкурсе, объявленном БСЭ, то перед ее публикацией А.Н. Леонтьев рекомендовал мне «специально отметить роль Льва Семеновича в перестройке советской психологии на основе методологии марксизма», хотя к остальным моим статьям (в том числе о В.М. Бехтерева, П.П. Блонском, не говоря уже о О. Кюльпе и даже о таких принципиальных, как «Душа», «Желание» или «Индивидуальность») критических замечаний у него не возникло.

Необходимо отметить, что в 1967 г. А.Н. Леонтьев санкционировал публикацию статьи К.А. Славской о С.Л. Рубинштейне в *Философской энциклопедии* (1967, т. 4, с. 529), где ей справедливо подчеркивалось, что он: «Применил к психологии марксово понятие деятельности (1934); в труде “Основы общей психологии” (1940, 1946) Р. представил систему психологии, основанную на принципе единства сознания и деятельности». Хотя об этом действительно не упоминается в двух изданиях *Философского энциклопедического словаря* (1983, с. 588; 1989, с. 589), но научным консультантом по психологии здесь уже являлся ученик С.Л. Рубинштейна М.Г. Ярошевский, который был нейтрален в дискуссиях

между двумя школами по проблемам деятельности. Так, например, М.Г. Ярошевский (научный руководитель моей аспирантуры в Институте истории естествознания и техники АН СССР в 1968–1972 гг.) пропустил мой вариант статьи (Семенов, 1983, с. 98) о Л.С. Выготском, не настаивая на модернизации его роли в психологии деятельности. Аналогично А.Н. Леонтьев как член редколлегии знаменитого философско-психологического сборника «Методологические проблемы исследования деятельности» (1976, редакторами которого были В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, В.М. Мунипов, а редактором-составителем известный методолог системного подхода Э.Г. Юдин) — возражал против публикации в нем теоретико-экспериментальной статьи И.Н. Семенова (Семенов, 1976), ориентированной не только на деятельностный, но и на системный подход, реализованный в ней с опорой на труды как психологов (П.Я. Гальперина, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна и др.), так и методологов (Н.Г. Алексеева, Г.П. Щедровицкого, Э.Г. Юдина).

Хотя каждая школа расставляла свои акценты в дискуссии по деятельности, но важно при этом, что особенно плодотворными были творческие связи и контакты С.Л. Рубинштейна с его союзниками и отчасти единомышленниками по дальнейшей разработке деятельностного подхода — с А.Н. Леонтьевым, Б.М. Тепловым, А.А. Смирновым, Б.Г. Ананьевым и др. Несмотря на существенные различия между ними в трактовке деятельности, эти психологи во многом сообща развивали и

пропагандировали деятельностный подход, в оппозиции к которому тогда находились многие другие, в том числе ведущие советские психологи (например, К.Н. Корнилов, Н.Ф. Добрынин, П.А. Шеварев и другие бывшие ученики Г.И. Челпанова — основателя первого в России института психологии) ... в 1943–1944 гг. Рубинштейн пригласил на работу (в МГУ.— И.С.) не только своих ленинградских учеников — М.Г. Ярошевского, А.Г. Комм и др., но и сотрудников А.Н. Леонтьева — П.Я. Гальперина и А.В. Запорожца» (Абульханова, Брушлинский, 1989, ч. 2, с. 273).

В связи с этим следует заметить, что П.Я. Гальперин как в своих знаменитых публичных лекциях по истории и теории психологии на философском и психологическом факультетах МГУ, так и в доверительных личных беседах со мной (своим курсовиком и дипломником — см.: Семенов, 2006) всегда уважительно отмечал фундаментальную роль С.Л. Рубинштейна в развитии отечественной и мировой психологии, хотя сам и придерживался в целом теоретических взглядов в традиции Л.С. Выготского—А.Н. Леонтьева, но при этом развивал собственную оригинальную концепцию ориентировки как предмета психологии. Исходя из этого, П.Я. Гальперин разработал одну из самых конструктивных концепций педагогической психологии — теорию и психотехнологию планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий (Гальперин, 1998). Ибо эта концепция показала свою эффективность в экспериментальном обучении в процессе дошкольного (А.В. Запорожец, Л.Ф. Обухова, Н.Н. Подьяков,

Д.Б. Эльконин), школьного (В.В. Давыдов, Н.Г. Салмина, В.П. Сохина), вузовского (И.И. Ильясов, Н.Н. Нечаев, Н.Ф. Талызина) и профессионального (З.А. Решетова, А.И. Подольский, Н.Н. Костюков) образования, а также при формировании творческого мышления (В.Л. Данилова, М.Р. Котик, И.П. Калошина, И.Н. Семенов, Б.Д. Эльконин). Эта теория была создана П.Я. Гальпериным и отталкивалась от подхода Л.С. Выготского в процессе дискуссий как внутренних — в школе А.Н. Леонтьева, так и внешних — со школой С.Л. Рубинштейна, который считал, что психические процессы формируются в деятельности (отсюда перспективен ресурсный подход, в т. ч. к человеческому капиталу).

Вообще необходимо подчеркнуть плодотворность научных дискуссий для развития теоретико-методологической проблематики, в том числе деятельности. Зародившись во многом благодаря программной статье С.Л. Рубинштейна в сфере междисциплинарного взаимодействия психологии с марксистской философией и политэкономией (Рубинштейн, 1934), деятельностный подход развивался в дискуссиях не только внутри школы С.Л. Рубинштейна с его учениками (Л.И. Анцыферова, Е.А. Будилова, Е.А. Шорохова, М.Г. Ярошевский, А.К. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, А.М. Матюшкин и др.), но и шире — внутри психологической науки (А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, Н.Ф. Добрынин, В.Н. Колбановский, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, А.Р. Лурия, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, П.А. Шеварев, Д.Б. Эльконин и др.). Позднее дискуссии по проблемам деятельност-

ного подхода велись не только в психологии (А.А. Бодалев, В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломов, А.М. Матюшкин, А.В. Петровский, Я.А. Пономарев, В.В. Рубцов, О.К. Тихомиров, Д.И. Фельдштейн, В.Д. Шадриков, М.Г. Ярошевский и др.), но также в смежных с ней науках — в философии (Г.С. Батищев, А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, В.А. Лекторский, Ф.Т. Михайлов, И.С. Ладенко, А.П. Огурцов, В.М. Розин, В.А. Розов, И.Т. Фролов, В.С. Швырев, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин), социологии (Б.А. Грушин, Ю.А. Левада, Н.Ф. Наумова, М.Н. Бобнева), лингвистике (А.А. Леонтьев, В.И. Постовалова, Г.П. Щедровицкий), психофизиологии (П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн, В.Г. Зараковский), эргономике (Н.Г. Алексеев, В.П. Зинченко, В.М. Мунипов, И.Н. Семенов, Э.Г. Юдин), акмеологии (А.А. Деркач, Е.А. Климов, А.К. Маркова, Н.В. Кузьмина, И.Н. Семенов и др.), педагогике (Н.Г. Алексеев, О.С. Анисимов, М.Н. Берулава, В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, В.В. Краевский, Н.Д. Никандров, Л.И. Новикова, А.В. Петровский, В.Д. Шадриков, Д.И. Фельдштейн и др.).

Важно отметить, что дискуссии о психологии деятельности велись не только между школами С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, но и внутри них: например, в первой — между Е.В. Шороховой (зав.сектором психологии в институте философии после его кончины) и А.В. Брушлинским, К.А. Славской, а во второй — между А.Н. Леонтьевым и П.Я. Гальпериным, А.В. Запорожцем, Д.Б. Элькониним. Затрагивались на этих внутренних диспутах и межшкольные споры, о чем можно судить,

например, по выступлению А.Н. Леонтьева на домашнем семинаре, где обосновывалась критика позиции С.Л. Рубинштейна (1940, 1957, 1959) в контексте перспективы разработки ряда дискуссионных проблем психологии деятельности, или — П.Я. Гальперина (Леонтьев, 2004, с. 332, 335) и А.В. Запорожца (Леонтьев, 2004, с. 321). Но, разумеется, в процессе всех этих дискуссий происходило самое важное для дальнейшего развития психологической науки, а именно — ассимиляция достижений обоих подходов к проблематике деятельности.

**Взаимодействие трактовок
деятельности С.Л. Рубинштейном
и А.Н. Леонтьевым в концепции
В.В. Давыдова**

Взаимодействие обеих школ, на наш взгляд, наиболее конструктивно реализовано в трудах В.В. Давыдова (Давыдов, 1972, 1988, 1996), который с позиций Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, Д.Б. Элькнина ассимилировал достижения С.Л. Рубинштейна при философско-методологической разработке психолого-педагогических проблем обобщения в обучении (Давыдов, 1972) и развивающего обучения (Давыдов, 1988) на основе деятельностного подхода. Так, в диспозиции своей итоговой теоретической книги В.В. Давыдов подчеркивает: «Общепсихологическую теорию деятельности начиная с 1920-х гг. создавали многие ученые, но особенно большой вклад в нее внесли С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев» (Давыдов, 1996, с. 17). Анализируя восходящую к Д. Дьюи проблему формирования теорети-

ческого мышления, Давыдов вновь обращается к концепции деятельности С.Л. Рубинштейна, сочувственно цитируя его положения о том, что: «Знания не возникают помимо познавательной деятельности субъекта и не существуют безотносительно к ней» и «Всякое научное понятие — это и конструкция мысли и отражение бытия» (там же, с. 152). С учетом этого В.В. Давыдов делает важный для своей теории вывод: «С этой точки зрения, понятие есть и отражение бытия, и средство мыслительной операции» (там же, с. 152).

Откликаясь, вероятно, на известную дискуссию школ С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева по проблеме способностей начала 1960-х годов, В.В. Давыдов констатирует: «Теория А.Н. Леонтьева создала хорошие предпосылки для изучения формирования человеческих способностей, но, к сожалению, эти предпосылки не были в должной мере реализованы. В психологии сравнительно мало работ, раскрывающих источники и закономерности формирования способностей. Правда, уже начали издаваться серьезные книги, посвященные этой важной проблеме; см.: Шадриков В.Д. “Деятельность и способности”, 1994» (там же, с. 453). Следует отметить, что с тех пор В.Д. Шадриковым опубликован ряд фундаментальных книг и учебных пособий по проблеме формирования способностей (Шадриков, 1994–2008) в контексте ментального развития человека и внутреннего мира его личности и индивидуальности (см.: Абульханова, Шадриков и др., 2009).

Аналогично в отношении другой фундаментальной для психологии проблемы — развития личности —

В.В. Давыдов, также цитируя основополагающий тезис С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1989, с. 241) о том, что «введение личности в психологию представляет собой необходимую предпосылку для объяснения психических явлений», формулирует принципиальный для своей концепции развивающего обучения вывод: «Тем самым понятие личности выступает как одно из центральных в психологической науке, поскольку оно — предпосылка объяснения любых психических явлений» (Давыдов, 1996, с. 50). В конце же своей итоговой книги В.В. Давыдов еще раз подчеркивает, что «деятельностный подход или теория деятельности в философии и психологии создавались у нас в стране прежде всего С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым и Э.В. Ильенковым» (там же, с. 487). В анализе значения трудов этого крупного философа для советской психологии, согласно В.В. Давыдову, «главное заключается в том, что он дал диалектико-материалистическое обоснование основных положений культурно-исторической теории и теории развивающего обучения» (там же, с. 479). При этом В.В. Давыдов специально отмечает, что: «Э.В. Ильенков был лично знаком с С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, А.И. Мещеряковым, Д.Б. Элькониным и другими крупными психологами, знал их труды, обсуждал с ними сложные философско-психологические вопросы» (там же, с. 478). Заметим, что хотя Э.В. Ильенков действительно философски обосновывал подход Л.С. Выготского и продуктивно его развивал в своих психологических исследованиях (в особенности, с В.В. Давыдо-

вым и А.И. Мещеряковым), однако основы психологической теории деятельности создавались все же в довоенные годы С.Л. Рубинштейном (1889–1960) и А.Н. Леонтьевым (1903–1979), когда Э.В. Ильенков (1924–1979) лишь начинал учиться в ИФЛИ. Позднее он не без влияния труда С.Л. Рубинштейна «Бытие и сознание» (Рубинштейн, 1957) плодотворно развивал проблему идеального (см.: *Философская энциклопедия*, 1968, т. 4).

Здесь мы сталкиваемся с часто встречающимися в науке случаями модернизации взглядов тех или иных авторов, проводимой их интерпретаторами в контексте целесообразности историко-методологического обоснования собственных или близких по духу концепций. Например, зачастую деятельностный подход в трактовке А.Н. Леонтьева и его школы обосновывается через апелляцию к культурно-исторической теории Л.С. Выготского. Так, В.В. Давыдов, анализируя воспоминания А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 1994), полагает: «Уже в середине 20-х годов Л.С. Выготский как “очень образованный марксист” ИМЕЛ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ о практической, чувственной деятельности людей» (Давыдов, 1996, с. 497). Хотя сам В.В. Давыдов приводит осторожное замечание А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 1994, с. 267) о том, что у Л.С. Выготского (Выготский, 1934) «термина «деятельность» еще нет, он еще не выступал, не применялся, а понятие деятельности нашло свое дальнейшее развитие» (Давыдов, 1996, с. 498), все же В.В. Давыдов подытоживает свое кропотливое обоснование

противоречащим этому выводом: «На наш взгляд, теория деятельности, разработанная А.Н. Леонтьевым и его последователями, является новым и закономерным этапом развития культурно-исторической теории. Это подтверждается как при сопоставлении их основных положений, так и при рассмотрении изучаемых ими предметов» (там же, с. 496–503). Примечательно, что в этом контексте теория деятельности трактуется как разработанная школой А.Н. Леонтьева, а о С.Л. Рубинштейне — как зачинателе и теоретике психологической проблематики деятельности здесь в заключении книги не говорится ни слова, хотя ранее в ее начале и в середине эту его принципиальная роль неоднократно и справедливо подчеркивал сам В.В. Давыдов.

Этот парадокс онтологической модернизации может быть снят, на наш взгляд, лишь методологически — через дифференциацию принципа деятельности (проводившегося как С.Л. Рубинштейном, так и А.Н. Леонтьевым, причем вместе с подавляющим большинством советских психологов, разве кроме раннего Н.Ф. Добрынина, Н.К. Корнилова, В.Н. Мясищева, М.М. Рубинштейна и немногих других) на две различные концептуальные модели, которые принципиально иначе трактовали психологические механизмы генезиса и структуры социально обусловленной деятельности человека.

По инициативе В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, В.М. Мунипова, Э.Г. Юдина (Методологические проблемы..., 1976) наметились перспективы плодотворного сотрудничества философов, психологов и педагогов

в системно-междисциплинарных разработках проблематики деятельности в отечественных гуманитарных науках, что привело к построению различных концептуальных схем деятельности (см.: Алексеев и др., 1991; Методологические проблемы..., 1976; Семенов И.Н., 1976; Щедровицкий, 1975; Юдин, 1978).

Противоречивость периодизации жизнетворчества С.Л. Рубинштейна

Парадоксально, но, несмотря на множество вариантов неоднократного рассмотрения творческой биографии С.Л. Рубинштейна, приходится констатировать, что ее анализ не привел пока к однозначному выделению этапов его жизнедеятельности и ее экзистенциально-концептуальной схематизации. Первая характеристика научной деятельности С.Л. Рубинштейна принадлежит его бывшему сотруднику Б.Г. Ананьеву (1960), которого С.Л. Рубинштейн пригласил в созданный им в Институте философии АН СССР сектор психологии. Наиболее фундаментальный анализ развития жизнедеятельности С.Л. Рубинштейна проведен младшим поколением созданной им общепсихологической научной школы — К.А. Абульхановой-Славской и А.В. Брушлинским (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989 и др.). Их трудами не только переиздано, прокомментировано, проанализировано и развито философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна, но и созданы его дочерние научные школы субъектно-деятельностной психологии: мышления (А.В. Брушлинский) и личности (К.А. Абульханова).

Так, под их научной редакцией к столетию С.Л. Рубинштейна были переизданы его «Основы общей психологии» (Рубинштейн, 1989). В историко-научном плане следует отметить, что в те годы существовало негласное ограничение на объем публикуемой научной литературы, согласно которому почти не издавались книги, превышающие 20 печатных листов. Поскольку «Основы общей психологии» существенно выходили за эту норму, то А.В. Брушлинский вынужден был обратиться на съезде психологов к присутствовавшей на нем своей сокурснице по отделению психологии МГУ, ставшей супругой Президента СССР Р.М. Горбачевой, с просьбой помочь издать фундаментальный труд крупнейшего советского психолога. В результате эта книга была издана, но все же в двух частях.

Это третье издание разительно отличается от двух предыдущих: значительные сокращения (разделов по истории психологии, примеров генезиса ряда психических функций, главы «Внимание» и т. д.) текста оригинала были компенсированы существенными вставками из более поздних трудов С.Л. Рубинштейна 1950-х годов. Вследствие этого была фактически произведена существенная переакцентировка и, следовательно, известная модернизация исходного оригинала (1946 г. издания) с интенсивно развиваемых редакторами в последней трети XX в. субъектно-деятельностных позиций, аргументировано обоснованных в их редакционном «Послесловии». Тем самым была эксплицирована органичная связь современных научных школ К.А. Абульхановой и А.В. Бруш-

линского с материнской для них школой С.Л. Рубинштейна. О том, насколько он, работая во время послесталинской оттепели над субъектно-личностной проблематикой в труде «Человек и мир» (Рубинштейн, 1973), уловил духовную атмосферу той переломной эпохи, свидетельствует данная литературоведами А. Меньшутиным и А. Синявским в тот же исторический период меткая характеристика творчества В. Маяковского, согласной которой «вся образная и речевая ткань поэмы («150 000 000» — И.С.) насыщена страстью, мыслью, интонацией Маяковского, который ведет рассказ совсем “не о себе”, но всегда “от себя”. Личность поэта, не будучи объектом изображения, становится здесь субъектом, движущим повествование, и постоянно обнаруживает свое присутствие, выказывает, как говорил Маяковский, — “мое к этому отношение”» (Меньшутин, Синявский, 1964, с. 279). Поскольку в период оттепели 1960-х гг. активность субъекта стала опять (как и в революционное время) социально востребована, то понятен акцент на ней критиков-шестидесятников (один из которых А.Д. Синявский позднее под псевдонимом «Абрам Терц» стал писателем-диссидентом, автором знаменитых «Прогулок с Пушкиным», изданных сначала в эмиграции, а в перестройку и в России).

В указанном «Послесловии» К.А. Абульханова и А.В. Брушлинский отмечают, что: «...формальная периодизация научного творчества С.Л. Рубинштейна, когда к 10–20-м гг. относят собственно философский этап, а к 30–40-м гг. психологический, при этом 50-е рассматривают

как период возвращения к философии, достаточно поверхностна» (Рубинштейн, 1989, с. 252). Поскольку «Послесловие» было нацелено на концептуальную характеристику модернизированного издания «Основ общей психологии», то в нем, естественно, не ставилась задача разработки периодизации в целом научного творчества С.Л. Рубинштейна. Однако, на наш взгляд, историко-научный анализ деятельности ученого должен иметь своим логическим результатом не только структурную концептуализацию ее содержания, но и определенную историко-культуральную и экзистенциально-психологическую схематизацию функциональных этапов развития его жизнедеятельности — как необходимый социокультурный ориентир, методологически инкорпорированный в историю науки.

Попытаемся использовать разработанные нами (Семенов, 2006, 2009) концептуально-методологические средства историко-научного анализа жизнедеятельности ученых разных областей научного знания — философов и методологов (А.А. Зиновьева, И.С. Ладенко, В.А. Лефевра, Г.П. Щедровицкого), психологов и педагогов (Н.Г. Алексева, П.П. Блонского, Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, Я.А. Пономарева, П.А. Шеварева и др.), физиологов и акмеологов (В.М. Бехтерева, Н.Я. Пэрны) для выделения основных этапов развития жизнедеятельности философа и психолога С.Л. Рубинштейна в целях построения одной из возможных ее периодизаций.

На первом — юношеском — этапе в 1904–1909 гг. в г. Одессе формировались мировоззрение С.Л. Рубин-

штейна и его гражданские убеждения. На этот период приходится участие в марксистском движении и завершение посредством экстерната гимназического образования, а также был сделан выбор в пользу дальнейшего университетского образования.

На втором — университетском — этапе в 1910–1914 гг. он получает в Германии философско-методологическое образование в университетах Берлина, Марбурга и Фрейбурга, специализируясь в лидировавшей в начале XX в. философской школе неокантианства, где под научным руководством ее руководителей Г. Когена и М. Наторпа в 1914 г. С.Л. Рубинштейном защищается магистерская диссертация «К проблеме метода» (Rubinschtein, 1914).

На третьем — преподавательском — этапе в 1914–1919 гг. он читает в гимназии и университете г. Одессы различные курсы (по философии, методологии естествознания, психологии, педагогике) и обращается к критике идеалистических позиций неокантианства в контексте диалектико-материалистической философии марксизма, что отражено в труде 28-летнего С.Л. Рубинштейна, опубликованного в 1994 г. О.Н. Брединой и названного ею «О философской системе Г. Когена».

На четвертом — кафедрально-психологическом — этапе в 1919–1924 гг. С.Л. Рубинштейн избирается доцентом кафедры психологии Новороссийского университета, а в 1922 г. после кончины Н.Н. Ланге становится ее заведующим, вплотную разрабатывая психологическую проблематику, что отражено в его статье о творческой самодеятельности (Рубинштейн,

1922), обнаруженной К.А. Абульхановой-Славской в 1969 г. и переизданной позднее в 1986 г., где имплицирован ряд позиций его будущего субъектно-деятельностного подхода к философской, психологической и педагогической проблематике человекознания.

На пятом — библиотечном — этапе в 1924–1927 гг. он пытается использовать усвоенную им ранее методологическую культуру неокантианства и осваиваемую в этот период (когда в СССР стал интенсивно переводиться К.Маркс, в том числе отцом А.В. Брушлинского философом В.К. Брушлинским) методологию марксизма для логической систематизации научных знаний (в т. ч. психологических), руководя в качестве директора библиотекой Новороссийского университета в г. Одессе.

На шестом — философско-библиографическом этапе в 1927–1930 гг. он завершает разработку теоретико-методологических принципов научно-библиографической систематики в итоговой монографии (Рубинштейн, 1930) о перспективах развития библиотечного дела в СССР и продолжает анализировать и обобщать достижения мировой психологии.

На седьмом — психолого-педагогическом — этапе в 1930–1935 гг. С.Л. Рубинштейн по приглашению М.Я. Басова возглавляет кафедру психологии в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена, где разворачивает эксперименты по изучению восприятия, речи, понимания и разрабатывает ряд философских принципов психологической науки, выдвигая в качестве ключевого для советской психологии принцип

деятельности, что отражено в его знаменитой статье 1934 г. и в обобщающем монографическом учебнике «Основы психологии» (Рубинштейн, 1935).

На восьмом — общепсихологическом — этапе С.Л. Рубинштейн в 1936–1940 гг. он каталогизирует, анализирует, систематизирует и интегрирует достижения мировой психологической мысли и экспериментатики первой трети XX в., обобщая их в знаменитом монографическом учебнике «Основы общей психологии» (Рубинштейн, 1940), удостоенном уже во время войны в 1942 г. государственной Сталинской премии.

На девятом — научно-организационном этапе — он в трудные военные и послевоенные 1941–1947 гг. руководит эвакуацией из осажденного Ленинграда Пединститута, в Москве становится в 1942–1945 гг. директором Института психологии, участвует в открытии Академии педагогических наук РСФСР, избирается ее действительным членом (1945 г.) и членом-корреспондентом АН СССР (1943 г.), создает в 1945 г. в МГУ им. Ломоносова кафедру психологии и позднее отделение психологии на философском факультете (а не биологическом! — как это соответствовало бы материалистической логике изучения психики как функции высшей нервной деятельности мозга) и организует в 1945 г. сектор философских проблем психологии (куда приглашает Б.Г. Ананьева, С.В. Кравкова, Н.Н. Ладыгину-Котс, Б.М. Теплова и др.) в Институте философии (ИФ) АН СССР, а также публикует расширенное и переработанное 2-е издание «Основ общей психологии» (Рубинштейн, 1946).

На десятом — философско-психологическом — этапе в 1947–1953 гг. С.Л. Рубинштейн необоснованно подвергается идеологическим преследованиям, административным репрессиям, злопыхательно критикуется за 2-е издание «Основ общей психологии», огульно обвиняется в космополитизме, снимается со всех постов, лишается права публикаций, но несмотря на это, интенсивно работает над рукописью до сих пор полностью неопубликованного труда «Философские корни психологии».

На одиннадцатом — философско-методологическом — этапе в 1954–1957 гг. восстановленный в правах в ИФ АН СССР С.Л. Рубинштейн издает фундаментальный труд «Бытие и сознание» (Рубинштейн, 1957), где развертывает онтологию психического во взаимосвязи многообразия явлений. В этот период он является инициатором издания «Известий АПН РСФСР», журнала «Вопросы психологии» и организатором Общества психологов СССР и его Первого съезда в 1957 г.

На двенадцатом — субъектно-психологическом — этапе в 1957–1960 гг. он разворачивает со своими учениками экспериментальные исследования мыслительных процессов (Рубинштейн, 1958), обобщенные в коллективной монографии, и работает над теорией мышления и способностей, а также разрабатывает «Пути и принципы развития психологии» (Рубинштейн, 1959) и готовит к изданию фундаментальный труд «Человек и мир» (изданный посмертно в 1973 г.), где обосновывает аксиологию, онтологию, этику человекознания и реализующий их субъектно-гуманистический подход в психологии, наметившийся еще на ранних (втором и третьем) этапах его жизнетворчества.

ектно-гуманистический подход в психологии, наметившийся еще на ранних (втором и третьем) этапах его жизнетворчества.

Заключение: значение и научная школа С.Л. Рубинштейна

Завершая историко-культуральную рефлексию жизнетворчества С.Л. Рубинштейна, следует попытаться оценить в целом его выдающийся вклад в отечественное и мировое философско-психологическое познание. В концептуально-содержательном плане этот вклад эксплицирован, проанализирован и обобщен в фундаментальных работах его ранних коллег (Л.И. Анцыферовой, Е.А. Будиловой, Е.В. Шороховой, М.Г. Ярошевского) и особенно ближайших учеников и последователей — К.А. Абульхановой и А.В. Брушлинского (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989 и др.), а также охарактеризован представителями других научных школ (Б.Г. Ананьевым, А.А. Смирновым, Е.Е. Соколовой и др.). Важно подчеркнуть, что С.Л. Рубинштейн не только во многом определил тенденции психологической науки (Рубинштейн, 1959), но и предвосхитил развитие таких ее инновационных областей, как гуманистическая психология индивидуальности (см.: Абульханова, 1980, 2006, 2009), акмеология профессионального развития и творческого самосовершенствования личности (см.: Абульханова, 2009; Деркач, 1998) и рефлексивная психология творчества (см.: Семенов, 1989, 1992, 2000). В частности, именно поэтому А.В. Брушлинский, прочитав мои тезисы на Одесской конференции,

посвященной 100-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, предложил написать специальную статью для «Психологического журнала» о разработке им философско-психологической проблематики рефлексии (Семенов, 1989).

К этому необходимо добавить методологически-научно-педагогическую квалификацию творческого наследия С.Л. Рубинштейна, в частности, с позиций проблематики прогресса психологического познания. С точки зрения системно-методологической полноты научно-исследовательской деятельности и функционально-эпистемических критериев прогресса психологического познания (Семенов, 1990, 2009), в трудах С.Л. Рубинштейна разрабатывались в совокупности все основные структурно-уровневые компоненты научно-психологической деятельности, интегрированной в социальную практику.

Так, на аксиологическом уровне в трудах С.Л. Рубинштейна в начале (Рубинштейн, 1922), середине (Рубинштейн, 1934) и в конце (Рубинштейн, 1973) его научного пути им разрабатывались ценности творческой самодеятельности личности, социальной деятельности субъекта и жизнедеятельности человека в мире.

На историко-научном уровне он анализировал философские и естественнонаучные корни экспериментальной и общей психологии, в особенности при изучении мышления, деятельности и личности.

На гносеологическом уровне он вскрыл логику развития психологического познания и теоретически эксплицировал его основы и обобщил достижения.

На онтологическом уровне он показал место психического во всеобщей взаимосвязи его различных проявлений в фундаментальном труде «Бытие и сознание» (Рубинштейн, 1957).

На методологическом уровне он сформулировал принципы и очертил пути развития психологии как науки гуманитарно-естественнонаучного типа, специфика которого определяется введенной им формулой детерминизма психического: «Внешние причины действуют через внутренние условия».

На теоретическом уровне им разработаны модели психического как процесса и как деятельности субъекта, мышления как анализа через синтез и др. (см.: Концепции, 1989).

На экспериментальном уровне он с учениками исследовал процессы восприятия, действия, речи, мышления, рефлексии, сознания.

На прикладном уровне им разрабатывались проблемы формирования способностей, знаний, этических правил как условий и содержания обучения и воспитания личности.

На практическом уровне им осуществлялись: предметное проектирование и организационное управление развитием психологической науки советской эпохи, а также его учебно-методическое обеспечение посредством интегральных руководств и сотворческого воспитания научных кадров — учеников и последователей, образующих одну из крупнейших научных школ отечественной психологии.

Формирование созданной С.Л. Рубинштейном научной школы началось еще в Ленинградском педагогическом институте на седьмом этапе

его жизнетворчества и продолжалось им в последующие периоды. В дальнейшем развитие этой школы дифференцируется на различные ветвящиеся направления: 1) историко-психологическое (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, Е.А. Будилова, В.А. Кольцова, А.Н. Славская, Е.В. Шорохова, М.Г. Ярошевский и др.); 2) философско-методологическое (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, Е.В. Шорохова, М.Г. Ярошевский); 3) экспериментально-психологическое (К.А. Абульханова-Славская, Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, А.М. Матюшкин, В.Н. Пушкин и др.); 4) теоретико-деятельностное (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, Б.Ф. Ломов, В.Д. Шадриков, Е.В. Шорохова,

М.Г. Ярошевский) 5) теоретико-субъектное (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский); 6) личностно-субъектное (К.А. Абульханова, В.С. Агапов, М.И. Воловикова, Е.Б. Старовойтенко и др.); 7) субъектно-когнитивное (А.В. Брушлинский, В.П. Знаков, Н.Ф. Панкратов и др.); 8) сознательно-рефлексивном (К.А. Абульханова, И.Н. Семенов, Е.Б. Старовойтенко, И.М. Чеснокова). В настоящее время последователи С.Л. Рубинштейна на основе его философско-психологической концепции и реализующих ее предметно-методологических принципов ведут плодотворные теоретические, экспериментальные, эмпирические и прикладные исследования в ИП РАН, ПИ РАО, ГУ ВШЭ, ЯрГУ и ряде других вузов, конструктивно развивая его творческое наследие.

Литература

Абульханова К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.

Абульханова К.А. Рубинштейн Сергей Леонидович // Энциклопедия Московского университета. Факультет психологии. Биографический словарь. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 176–178.

Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности: методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973.

Абульханова-Славская К.А. Историческая последовательность разработки философских проблем психологии в трудах С.Л. Рубинштейна и его школы // Всесоюзная конференция «Актуальные проблемы истории психологии». Ереван: ЕГУ, 1982. Т. 1. С. 33–42.

Абульханова-Славская К.А. Роль С.Л. Рубинштейна в становлении акмеологии //

Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. М. РАГС, 2009

Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна (к 100-летию со дня рождения). М., 1989.

Абульханова К.А., Петровский В.А., Семенов И.Н. и др. Психология индивидуальности: новые модели и подходы / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009.

Алексеев Н.Г., Зарецкий В.К., Семенов И.Н. и др. Методология рефлексии концептуальных схем деятельности поиска и принятия решения. Новосибирск: НГУ, 1991.

Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969.

- Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
- Будилова Е.А.* Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972.
- Вильмонт Н.* О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М.: Советский писатель, 1989.
- Выготский Л.С.* Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991.
- Выготский Л.С.* Собр. соч.: в 6 т. / Под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984.
- Гальперин П.Я.* Проблема деятельности в советской психологии // Психология как объективная наука. М.-Воронеж. МОДЭК, 1998. С. 249–271.
- Гальперин П.Я.* Лекции по психологии. М., 2002.
- Давыдов В.В.* Виды обобщения в обучении. М.: Педагогика, 1972.
- Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения. М.: Педагогика, 1986.
- Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы // Под ред. В.В. Давыдова, Д.А. Леонтьева. М., 1990. С. 134–170.
- Деятельность. Теория. Методология. Проблемы. М.: Политиздат, 1990.
- Деркач А.А.* Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях. М.: РАГС, 1998.
- Ждан А.Н.* Рубинштейн Моисей Матвеевич // Энциклопедия Московского университета. Факультет психологии. Биографический словарь. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 174–176.
- Ильенков Э.В.* Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. М.: СЭ, 1968.
- Концепции С.Л.Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. М., 1989.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1965.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975; М.: Смысл, 2004.
- Леонтьев А.Н.* Прошу меня беспокоить // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра. М.: Смысл, 2006. С. 370–386
- Методологические проблемы исследования деятельности. Эргономика. Труды ВНИИТЭ. Вып. 10 / Под ред. В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьева, В.М. Мунипова, Э.Г. Юдина. М.: ВНИИТЭ, 1976.
- Меньшутин А., Синявский Д.* Поэзия первых лет революции. М.: Наука, 1964.
- На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М.: Политиздат, 1990.
- Научный архив С.Л. Рубинштейна // Отдел рукописей РГБ. Фонд 642, ед. хранения 117.
- Никифоров Г.С., Дмитриева М.А. и др.* Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. СПб.: СПбГУ, 1991.
- Основы теории речевой деятельности // Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1974.
- Пастернак Б.Л.* Соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989-1992.
- Петровский А.В.* История советской психологии. М.: Просвещение, 1967.
- Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Зарецкий В.К. и др.* Исследование проблем психологии творчества. М., Наука. 1983.
- Проблема деятельности в советской психологии. М., 1977.
- Рубинштейн М.М.* Идея личности как основа мировоззрения. М., 1909.
- Рубинштейн М.М.* Психология, педагогика и гигиена юности. М., 1926.
- Рубинштейн М.М.* О смысле жизни. Ч. 1. М.-Л., 1926; Ч.2. Философия человека. М.-Л., 1927.
- Рубинштейн М.М.* Воспитание читательских интересов у школьников. М.: Учпедгиз, 1950.

- Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности // Ученые записки высшей школы г. Одессы. 1922. Т. 2: Вопросы психологии. 1986. № 4.
- Рубинштейн С.Л.* Современное состояние и очередные задачи научной библиографии в СССР. М., 1930.
- Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Советская психотехника. 1934. № 1; Вопросы психологии. 1983. № 2.
- Рубинштейн С.Л.* Проблема деятельности и сознания в советской психологии // Ученые записки Моск. ун-та. 1945. Вып. 90.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
- Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Наука, 1959.
- Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. М.: Наука, 1958.
- Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. М., 1935.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1940; 1946; 1998.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Т. 1, 2 / Под ред. К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского. М.: Педагогика, 1989.
- С.Л. Рубинштейн // Грэхем Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе (с англ.). М.: ИПЛ, 1991. С. 168–188.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М.: Педагогика, 1976.
- Рубинштейн С.Л.* О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник-92. М., 1994.
- Семенов И.Н.* Опыт деятельностного подхода к экспериментально-психологическому исследованию мышления на материале решения творческих задач // Методологические проблемы исследования деятельности / Под ред. В.П. Зинченко. М. ВНИИТЭ. 1976. С. 148–188.
- Семенов И.Н.* Проблемы психологии рефлексии в трудах С.Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 1989. № 4.
- Семенов И.Н.* Вклад Н.Г. Алексева в психологию рефлексии // Рефлексивные процессы и управление. 2005. № 2.
- Семенов И.Н.* Этапы и логика развития психологии творчества Я.А. Пономарева // Мир психологии. 2006. № 1.
- Семенов И.Н.* Психология научного творчества Я.А. Пономарева во взаимодействии с российскими учеными // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 2006. С. 597–623.
- Семенов И.Н.* Взаимодействие московской и петербургской научных школ психологии творчества и рефлексии // Психология перед вызовом будущего. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 61–64.
- Семенов И.Н.* Алексеев Никита Глебович. Зиновьев Александр Александрович. Ладенко Иосиф Семенович. Пономарев Яков Александрович. Шеварев Петр Алексеевич // ММК в лицах: методологическое и игротехническое движение. Ч. 1, 2. М. 2006, 2007.
- Семенов И.Н.* Развитие проблематики рефлексии и ее изучение на факультете психологии Высшей школы экономики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. № 3.
- Семенов И.Н.* Критерии прогресса психологии мышления // Прогресс в психологии. М. 2009
- Сергей Леонидович Рубинштейн // Ученые СССР: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989.
- Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1975.
- Славская А.Н.* История создания научного труда «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна // История

- отечественной и мировой психологической мысли / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во ИП РАН, 2006. С. 302–307.
- Соколова Е.Е.* Тринадцать диалогов о психологии. М.: Смысл, 2005.
- Соколова Е.Е.* К проблеме сходства в понимании предмета психологии в школе А.Н.Леонтьева и в школе С.Л. Рубинштейна // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 53–60.
- Степанов С.С.* Психология в лицах. М. 2003
- Философская энциклопедия. М.: СЭ, 1968.
- Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.
- Шадриков В.Д.* Психология деятельности и способности. М., 1996.
- Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975.
- Щедровицкий Г.П.* Знак и деятельность. М., 2006. Т. 1, 2, 3.
- Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978.
- Ярошевский М.Г.* История психологии. М.: Мысль, 1966.
- Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. М., 1974.
- Ярошевский М.Г.* Первый очаг психологических исследований в Российской Академии наук: К 50-летию сектора психологии в институте философии АН СССР) // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 70–78.
- Ярошевский М.Г., Анцыферова Л.И.* История и современное состояние зарубежной психологии /Под ред. А.А.Смирнова. М. Педагогика. 1974
- Mattshaus W.* Sowjetische Denkpsychologie. Gettingen – Toronto – Zurich, 1988.
- Mattshaus W.* Sowjetische Psychologie des Denkens. Frankfurt/ M., 1988.
- Payne T.R.S.* S.L. Rubinshtein and philosophical foundation of Soviet Psychology. Dordrecht. Holland, 1968.
- Rubinstein S.* Eine Studie zum Problem der Methode. Marburg, 1914.